

Методологическое ограничение как основание для прояснения сущности современной философии

На протяжении всей истории своего существования философия являлась одной из сильнейших духовно-экзистенциальных доминант, мощнейшим двигателем общественного прогресса. Она рождала на свет великих гениев, создававших бессмертные произведения искусства, становилась причиной кровопролитных войн и революций, радикально изменяла жизни миллионов людей. Именно ей мы обязаны появлением наук, а вместе с ними и бесчисленного количества технических изобретений, без которых трудно представить жизнь современного человека.

Однако в последние десятилетия на арене интеллектуальной коммуникации все чаще слышны громкие восклицания о «смерти философии» (Р. Рорти), произошедшей по причине потери всяческих оснований и ориентиров такого рода деятельности. Возгласы эти доносятся преимущественно из «лагеря» постмодернистски ориентированных мыслителей. Виртуозно оперируя излюбленным словечком «идентичность» (выражаясь языком Г.В.Ф. Гегеля, «качественная специфика»), они указывают на ее отсутствие у любого типа предметности. А больше всех достается философии из-за предельной степени когнитивной абстракции, не позволяющей строго задать онтологию ее интересов. Таким образом, для философии принципиальную значимость фактора успешного ведения настоящей борьбы за выживание сегодня принимает проблема самоограничения как выявления собственной сущности.

Разрешение данного вопроса возможно, прежде всего, посредством обращения к его истокам, то есть проведения лингво-этимологического анализа. Понятие «философия» происходит от древнегреческого *φιλία σοφία*, что переводится как «любовь к мудрости». Причем, *φιλία* означает любовь-дружба, любовь-симпатия, духовная тяга. Подобное влечение есть природная склонность человека, оно естественно. Следовательно, его бытийным фундаментом выступает сама жизнь. Любомудрие всегда являлось «функцией жизни» [1, с. 5], органически из нее вырастало. И, начиная с античности, под мудростью подразумевалось нечто большее, чем просто теоретическое знание. В диалоге «Пир» Платон устами Сократа, передающего друзьям речь чужеземки Диоптимы, провозглашает, что мудрость прекрасна, ведь она ведет нас к благу: «Из богов никто не занимается философией и не желает стать мудрым, поскольку боги и так уже мудры; да и вообще тот, кто мудр, к мудрости не стремится. Но не занимаются философией и не желают стать мудрыми опять-таки и невежды. Ведь тем-то и скверно невежество, что человек и не прекрасный, и не совершенный, и не умный вполне доволен собой. А кто не считает, что в чем-то нуждается, тот и не желает того, в чем, по его мнению, не испытывает нужды... занимаются ею те, кто находится посредине между мудрецами и невеждами, а Эрот к ним и принадлежит. Ведь мудрость – это одно из самых прекрасных на свете благ, а Эрот – это любовь к прекрасному, поэтому Эрот не может не быть философом, т.е. любителем мудрости, а философ занимает промежуточное положение между мудрецом и невеждой» [3. С. 726]. Обладающий благом счастлив: «счастливые счастливы потому, что обладают благом» [3. С. 727]. Как «учителем человечества», так и всеми древнегреческими мыслителями категория блага интерпретируется в качестве

предельной характеристики способа подлинного существования индивида, а точнее, цели тех или иных субъективных устремлений. Это означает, что роль философии сводится к формированию целостной и непротиворечивой системы мироориентации.

В ходе дальнейшего движения европейской культурной традиции содержание интерпретативных схем, применяемых к термину «философия», подвергается существенным изменениям. Средневековье знаменуется превращением любомудрия в «служанку богословия» (Петр Дамиани), выполняющую функцию инструментария обеспечения продуктивного взаимодействия веры и знания.

В эпоху Ренессанса реализуется попытка возвращения к древнегреческому идеалу единства духовных и материальных антропологических практик, репрезентирующемуся в образе всемогущего человека. Однако проблематика философии по-прежнему концентрируется вокруг религиозных вопросов, балансирует на грани антиномии мистицизма и рационализма.

Раннее Новое время запускает процесс дифференциации наук на столь интенсивных оборотах, что любовь к мудрости начинает противопоставляться строгой когниции естествознания. Р. Декарт был вынужден с помощью теологического аргумента оправдывать свой двойной статус философа и ученого: разумный и заботливый Бог устроил мир таким образом, чтобы мы могли проникнуться его тайнами благодаря всем имеющимся в нашем распоряжении формам познания. Век Просвещения актуализировал педагогическую функцию философии, открыто признавая политический подтекст такого проекта. Но в девятнадцатом столетии и в особенности после смерти Гегеля – этого последнего оплота классической метафизики – расцвет позитивизма обозначает демаркационную линию между

старым и новым мирами цивилизованного человечества. Отныне спекуляции, не приносящие конкретных и полезных плодов, объявляются преградой на пути интенции к истине.

Закономерный итог рассмотренным искажениям исходной семантики слова «философия» был подведен Н.А. Бердяевым в сочинении «Философия свободы»: «Все признают, что философия переживает тяжелый кризис, что философствующая мысль зашла в тупик, что для философии наступила эпоха эпигонства и упадка, что творчество философское иссякает» [1. С. 3]. Нередко и сегодня можно слышать подобные высказывания. И хотя в большинстве случаев за ними стоит элементарное незнание этимологии данного слова (частолюбомудрие обвиняют в том, что не имеет к нему никакого отношения), а также непонимание исторических оснований области своих исследовательских интересов, тем не менее, необходимость самоопределения современной философии манифестирует себя особенно настойчиво.

Каким же способом она может быть осуществлена? В первую очередь стоит отметить следующее: каждая дисциплина, нацеленная на достижение истины, имеет три базовых структурных элемента: 1) предметную сферу; 2) категориальный аппарат; 3) методологию. Следовательно, ограничение пространства работы должно проходить по одному или нескольким из перечисленных направлений. Проанализируем каждую перспективу в отдельности.

Разнообразные попытки дать исчерпывающую дефиницию философии типа: «особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни во всех ее основных проявлениях» [2. С. 1142], –

приводят к тому, что ее предметная область расширяется до бесконечности. А признание этой фактичности равносильно утверждению об отсутствии какого бы то ни было предмета исследования. Неслучайно А.М. Пятигорский в одной из статей мимоходом замечает: «...у философии нет своего предмета» [4. С. 128]. Сужение предметного поля любомудрия приведет к образованию новой частной научной системы или же вообще выведет нас в рамки иной формы самосознания (искусства, морали, права...).

Что касается категориального аппарата, то здесь нужно иметь в виду его богатство и одновременно избыточность. Он структурировался в течение тысячелетий. Сейчас речь скорее идет не об отсутствии инструментария организации философского дискурса, но о ценном умении и навыке его употребления.

Итак, единственным средством самоопределения любомудрия служит методология. Для чего есть свои культурно-исторические предпосылки. Еще на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков логические позитивисты акцентировали внимание на этой составляющей философии. Надо отметить, что именно в этой сфере позиции философии в отношении к другим формам конституирования когнитивных структур наиболее сильны. Причина заключается в том, что начало прошлого столетия характеризуется так называемым «антропологическим поворотом» в европейской культуре. В результате которого была окончательно разрушена устаревшая субъект-объектная парадигма познания. Стало ясно, что все онтологические константы, связывавшие ранее воедино физическую картину мира, напрямую зависят в специфике способов своего представления от свойств воспринимающего сознания, конституируются в соответствии с индивидуальными характеристиками последнего и вообще без него не наличествуют как

таковые. Более того, многочисленные вопросы, фиксируемые испытующим взором ученого, с тех пор обнаружили собственную укорененность в проблеме человека.

Произошедшие перемены коснулись и методологии. Философия, с семнадцатого века стремившаяся вернуть эмансипированные науки под свое покровительство, будучи, как всегда, гораздо проницательнее своих «неблагодарных» чад, уже произвела средство разрешения намечающегося мировоззренческого кризиса. В недрах «философии жизни», феноменологии и экзистенциализма разрабатывался метод дескрипции. В. Дильтей применял его в «понимающей» психологии, К. Ясперс – в клинической психиатрии, а Э. Гуссерль – в процессе изучения опыта повседневной жизни. Здесь любовь к мудрости и актуализировала свое призвание – волю к синтетической проблематизации. Избранная методология сулила обеспечить логически непротиворечивое совмещение различных подходов в рассмотрении некоторого предмета.

Сохраняя данное оружие в своем арсенале и по сей день, философия сама рискует превратиться в объект критики, ведь описание требует учета всех феноменов интересующей нас онтологической сферы. То есть, горизонт возможных точек зрения парадоксально идентифицируется в качестве беспредельного.

Более того, идея ограниченности области человеческих перцепций системой субъективных образов предполагает потребность осуществления работы по описанию фактов сознания. При этом дескриптивная методология необходимо занимает металогическую позицию по отношению к разнообразным способам изучения мира, потому что последние имеют дело исключительно с данными нашего опыта, запечатленного в психических структурах.

То есть, выступает в качестве универсального средства обработки эмпирического материала. Следовательно, всяческие претензии на получение так называемого объективного знания при помощи объяснительных процедур изначально противоречивы. И принцип жесткого ограничения философией своей методологии описательным подходом детерминирует сегодня сохранность истины как идеи и как результата процесса изучения действительности. А категория истины всегда служила в европейской культуре основой устойчивой картины космоса и человека.

Значит, чтобы сохранить собственную неприкосновенность, ценность в жизненном пространстве «Я», любознательность необходимо, оставаясь, по своей сущности, бытийным истоком интереса к антропосу, окружающему его сущему, осуществлять самореализацию в виде импульса и методологии всяческого познавательного отношения. При этом, философия, безусловно, имеет потенциал согласования, гармоничного сочетания теории и практики, подтвержденный самой историей. К. Ясперс однажды признал: «Философская истина – не единственная в мире. До сих пор она нигде не была той формой истины, в которой жило большинство человечества. Но в философствовании заключена открытость каждому образу жизни не только для того, чтобы его понять, но и признать в его истине» [5. С. 477].

Таким образом, философия всегда имела колоссальное значение для всего человечества и отдельного человека. Не утратила его и сегодня. Но только последовательно проводимое методологическое самоограничение позволит ей предстать в образе фундамента формирования целостного и непротиворечивого мировоззрения, а также творческой активности духовного поиска личности.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 2000.
2. История философии. Энциклопедия. Минск, 2002.
3. Платон. Пир // Платон. Диалоги. М., 1986.
4. Пятигорский А.М. Краткие заметки о философском в его отношении к филологическому. URL: <http://www.rvb.ru/philologica/02/02piatigorsky.htm> (дата обращения 31.01.2010).
5. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.